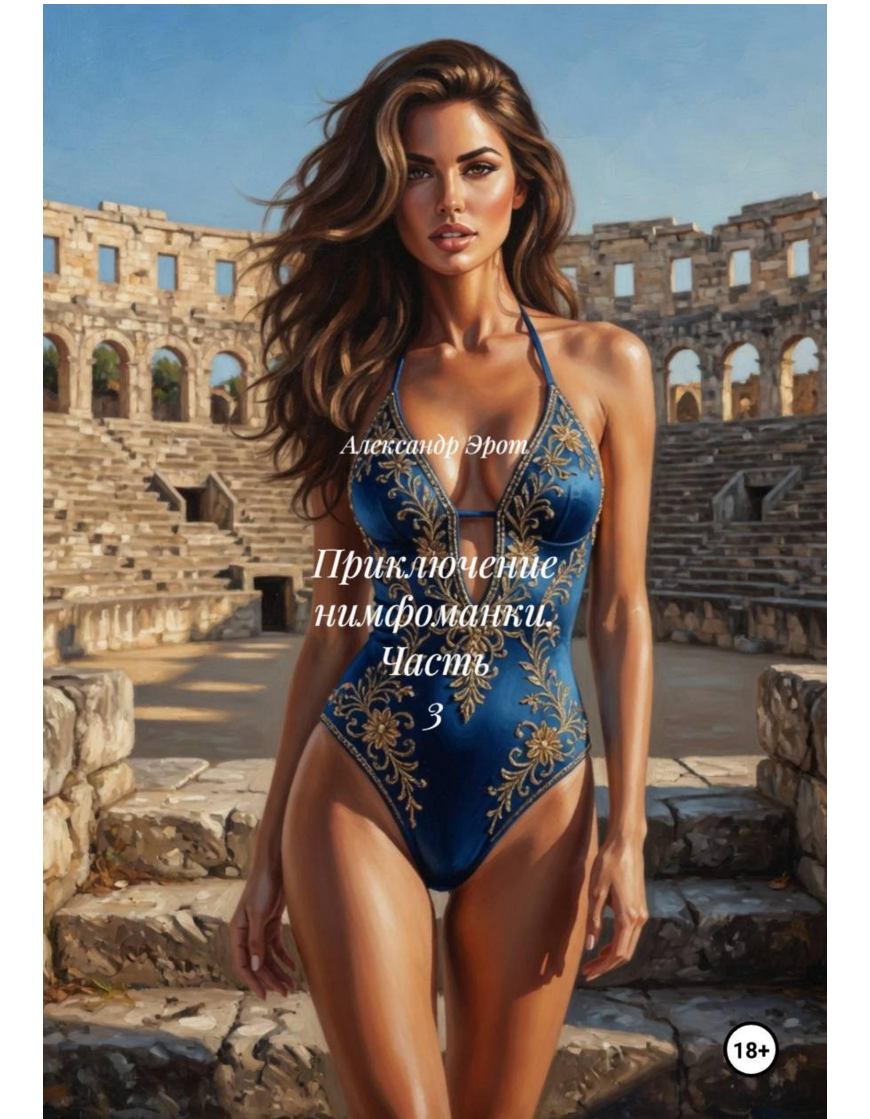

Александр Эрот.

*Приключение
нимфоманки.
Часть
3*

18+

Александр Эрот

Приключение нимфоманки. Часть 3

<https://litres.ru/74421149>

SelfPub; 2026

Аннотация

История исследует трансформацию женщины, которая, покинув мужа, отправляется в опасное путешествие самопознания. Через серию испытаний в Венеции и других городах она проходит путь от благовоспитанной жены до воплощения абсолютной чувственности.

В центре повествования — встреча героини с таинственным Мастером Теней, который открывает ей новые грани познания собственного тела и разума.

Роман раскрывает темы власти и подчинения, свободы и греха, исследуя их через призму человеческих отношений. Кульминация наступает, когда героиня осознаёт свою силу и становится частью элитного общества, где правит через пороки и желания других.

Финальная часть истории переносит читателя в Париж, где героиня предстаёт перед высшим советом — Конклавом, доказывая право на титул Верховной Жрицы. Произведение

адресовано читателям, готовым к глубокому погружению в исследование человеческой природы и чувственности.

Александр Эрот

Приключение нимфоманки. Часть 3

Расставание с Иваном было неизбежным, как смена времен года. Утром, когда яхта бросила якорь у берегов Пхукета, я стояла на палубе, подставляя лицо соленому ветру. Мой муж стоял позади меня. Он не пытался меня остановить. Он знал, что та Лиза, которую он привез в Азию, умерла, а существо, занявшее ее место, больше не нуждалось в поводыре.

— Ты вернешься? — его голос был тихим, лишенным всякой надежды. В нем звучала интонация человека, который провожает божество, зная, что оно больше никогда не посетит его скромный храм.

Я обернулась. В моем взгляде не было ни жалости, ни презрения. Лишь холодная, отстраненная нежность к инструменту, который выполнил свою функцию. Я подошла к нему и легко коснулась губами его лба. Это был поцелуй, дарующий прощение и забвение.

— Мой путь только начался, Иван, — прошептала я. — А твой — завершен. Ты был моим творцом, но творение переросло тебя. Забудь меня. Иначе воспоминания сожгут тебя заживо.

Через два часа я сидела в салоне частного самолета, ле-

тящего в Европу. Я оставила на яхте всё: свои наряды, драгоценности, банковские карты. В моей сумочке лежал лишь паспорт, пачка наличных купюр и тот самый черный конверт с сургучной печатью. Мой единственный компас. Моя путеводная звезда во тьму.

Венеция встретила меня моросящим дождем и густым, непроницаемым туманом, который полз по каналам, словно живое существо. Этот город был идеальной декорацией для финала моей трансформации. Венеция — это куртизанка, медленно тонущая в собственных грехах и величии, скрывающая гниение за масками из папье-маше и сусального золота. Она пахла сыростью, водорослями, старым камнем и увяданием. Это был запах вечности.

Я сняла неприметные апартаменты вдали от туристических маршрутов, в районе Дорсодуро. До новолуния оставалось три дня. Эти дни я провела в строгом, почти монашеском посте. Я пила только воду и не выходила из комнаты. Я очищала свой сосуд. Бангкок наполнил меня животной грязью, Гонконг выжег мои нервы болью, но тот, кто прислал мне черное приглашение, требовал кристальной пустоты. Я должна была прийти к нему как чистый лист, готовый принять самые темные письма.

Наступила ночь новолуния. Небо над Венецией было абсолютно черным, лишенным даже намека на свет. Туман сгустился настолько, что фонари на набережных казались тусклыми желтыми пятнами, не способными пробить мглу.

Я оделась. Мой наряд был предельно прост и символичен: тяжелый, длинный плащ из черного бархата с глубоким капюшоном. И больше ничего. Мое обнаженное тело, очищенное и напряженное от трехдневного голодания, чувствительно реагировало на прикосновение плотной ткани. На лицо я надела традиционную венецианскую маску «баута» — гладкую, черную, скрывающую всё лицо, кроме губ. Я лишила себя имени и лица. Я стала лишь безымянной тенью, скользкой сквозь туман.

Около полуночи я вышла на узкую набережную канала. Вода маслянисто блестела, неслышно ударяясь о каменные ступени. Из молочной пелены тумана бесшумно, словно лодка Харона, вынырнула гондола. Она была полностью черной, без единого украшения. Гондольер, чье лицо скрывал такой же глубокий капюшон, не произнес ни слова. Он лишь молча указал рукой на обитое бархатом сиденье.

Я шагнула в лодку. Мое сердце забилося медленно, но невыносимо тяжело. Как только я опустилась на сиденье, гондола отчалила.

Мы плыли в абсолютной тишине. Слышен был лишь тихий всплеск весла. Город спал, укрытый туманом. Мы миновали Гранд-канал и свернули в лабиринт узких, темных протоков, где стены обветшалых палаццо нависали над водой, почти смыкаясь над нашими головами. Темнота стала осязаемой. Я чувствовала, как холодный влажный воздух пробирается под плащ, лаская мою нагую кожу, заставляя соски

затвердеть.

Путешествие казалось бесконечным. Время здесь, на воде, потеряло свое значение. Наконец гондола замедлила ход и мягко ткнулась бортом в замшелые каменные ступени, уходящие прямо в черную воду.

Я подняла голову. Передо мной возвышался Палаццо деи Соспири.

В нем не горело ни единого окна. Фасад из темного камня, изъеденного временем и солью, казался монолитной скалой. Единственным источником света были два факела, чадающих по бокам от массивных дубовых дверей.

Я вышла из гондолы. Едва мои босые ноги коснулись холодного камня ступеней, лодка бесшумно растворилась в тумане сзади меня. Пути назад не было.

Я сделала шаг к дверям, но они открылись сами, прежде чем я успела к ним прикоснуться. Из мрака холла пахло сухим, старым воздухом, ладаном и запахом раскаленного воска. Я переступила порог. Двери за моей спиной с глухим, тяжелым стуком захлопнулись, отрезая меня от внешнего мира.

Я оказалась в огромном вестибюле, освещенном лишь редкими канделябрами. Из теней выступили две фигуры. Это были высокие мужчины, одетые в строгие черные костюмы, их лица также были скрыты гладкими масками. Они двигались с невероятной, хищной грацией.

Не произнося ни слова, один из них подошел ко мне и

снял с моей головы капюшон. Затем его руки в перчатках из тончайшей черной кожи легли на застежку моего плаща. Тяжелый бархат с шорохом соскользнул на каменный пол.

Я стояла абсолютно нагая в ледяном воздухе старинного дворца. По моей коже побежали мурашки. Я ждала, что они начнут меня трогать, что последует грубое подчинение, к которому я привыкла. Но они не сделали этого.

Второй мужчина приблизился и повязал вокруг моих глаз широкую ленту из плотного черного шелка. Мир погрузился в абсолютную, непроницаемую тьму.

Лишение зрения мгновенно обострило остальные чувства. Я слышала эхо собственных шагов, шорох их одежды, чувствовала запахи древней пыли и тлеющих свечей. Один из мужчин взял меня за руку. Его хватка была не грубой, но абсолютно непреклонной.

Меня повели вперед. Я ступала босыми ногами по холодному мрамору, затем по мягким, толстым коврам. Мы поднимались по бесконечным лестницам, шли по гулким коридорам. Я полностью потеряла ориентацию в пространстве. В какой-то момент я поняла, что воздух вокруг изменился. Он стал теплее, гуще, пропитанным ароматом мирры и тяжелого,пряного афродизиака, который мгновенно ударил в голову, вызвав легкое головокружение.

Мой провожатый отпустил мою руку. Я услышала, как за моей спиной закрылась тяжелая дверь. Я осталась одна в комнате.

— Сними маску, но не трогай повязку, — раздался голос.

Этот голос не был громким, но он, казалось, исходил отовсюду сразу. Он вибрировал в воздухе, проникая сквозь кожу прямо в кровь. В нем не было ни металла, ни злобы, ни животной страсти. Это был голос существа, обладающего абсолютным, леденящим всеведением.

Дрожащими руками я сняла венецианскую маску и бросила ее на пол. Черный шелк всё еще надежно скрывал мои глаза.

— Элизавета, — произнес голос, пробуя мое имя на вкус, словно редкое вино. — Ты пришла. Твое тело кричит о пережитых унижениях. Я чувствую следы чужих рук и чужих плетей на твоей ауре. Ты думала, что, отдав свою плоть рабам и садистам, ты обрела свободу.

Я услышала тихие, размеренные шаги. Кто-то медленно кружил вокруг меня.

— Но это была лишь иллюзия, — продолжил он. — Ты просто сменила одну клетку на другую. Клетку буржуазной морали на клетку плотских инстинктов. Твой муж играл с твоим телом. Твои любовники играли с твоей болью. Я же... я буду играть с твоим разумом.

Я почувствовала, как по моей спине пробежал холодок, не имеющий ничего общего с температурой в комнате. Я стояла нагая, слепая, в центре неизвестности, и впервые за долгое время почувствовала настоящий, парализующий страх. Это был не страх физической боли — ее я уже давно приветство-

вала. Это был страх потери собственного рассудка.

— Кто вы? — мой голос прозвучал слабо, жалко в огромном пространстве.

— Я тот, кто обитает на дне той бездны, в которую ты так отчаянно стремилась заглянуть, — шаги остановились прямо у меня за спиной. Я почувствовала тепло, исходящее от его тела, хотя он ко мне не прикасался. — Меня называют Мастером Теней.

Внезапно воздух вокруг меня завибрировал. Я почувствовала легкое прикосновение. Нечто гладкое и теплое коснулось моей спины, скользнув вдоль позвоночника. Затем еще одно прикосновение — к бедру. Я вздрогнула, пытаясь понять, что это. Руки? Нет, это было похоже на гладкие перья или тончайший шелк, оживший и наделенный разумом.

Я инстинктивно подалась назад, но натолкнулась на твердое, мужское тело. Его руки — прохладные, уверенные — легли на мою талию, удерживая меня на месте.

— Твое тело — это струна, натянутая до предела, — прошептал Мастер мне на ухо. Его дыхание обожгло мою мочку. — Ты привыкла, что на ней играют грубо, извлекая крики и стоны. Ты зависима от физического воздействия. Но что будет, если я лишу тебя того, к чему ты привыкла? Что будет, если я заставлю тебя сгорать от желания, не касаясь твоих эrogenных зон?

— Это невозможно, — выдохнула я, тяжело дыша. Мой низ живота уже предательски пульсировал от одного лишь

звука его голоса и ощущения его тела за моей спиной.

Он тихо, пугающе рассмеялся.

— Для смертных — да. Но здесь мы по ту сторону плоти.

Его руки исчезли. В ту же секунду я почувствовала, как по моей коже снова заскользили эти странные, невесомые прикосновения. Они были везде: на моих икрах, на животе, на шее. Это были не человеческие руки. Это были перья марабу, привязанные к длинным тростям, которыми управляли невидимые слуги в темноте.

Прикосновения были настолько легкими, что едва ощущались, но они дразнили миллионы нервных окончаний на моей очищенной, голодающей коже. Это было похоже на рой призрачных бабочек. Я инстинктивно выгнулась, ожидая более сильного давления, ожидая грубого проникновения, но его не последовало.

Перья скользили по моей груди, едва касаясь затвердевших сосков, обходя их стороной, дразня, не давая разрядки. Они кружили вокруг моего лона, лаская внутреннюю сторону бедер, но не пересекая священную границу моего естества.

— Пожалуйста... — проскулила я. Мое тело, приученное к экстремальным раздражителям, сходило с ума от этого сенсорного голода. Мои соки стекали по ногам, я истекала желанием, но меня лишали главного.

— Терпение, — голос Мастера Теней звучал теперь откуда-то спереди. — Твой разум жаждет грубости. Я заставлю

его молить о пустоте.

Внезапно перья исчезли. В комнате воцарилась тишина. Я стояла, тяжело дыша, сжимая бедра в тщетной попытке удовлетворить себя. Я была готова упасть на колени, но гордость удерживала меня.

— Шагни вперед, — приказал он.

Я сделала неуверенный шаг. Моя нога ступила на что-то мягкое и скользкое. Я сделала еще шаг и поняла, что весь пол передо мной устлан толстым слоем влажных лепестков черных роз. Они источали удушливый, пьянящий аромат увядания.

— Опустись на колени.

Я повиновалась. Мои колени погрузились в прохладную массу лепестков.

— Раскинь руки.

Я подняла руки в стороны. И тут же почувствовала, как к моим запястьям прикоснулись холодные металлические кольца. Щелчок. Меня приковали к каким-то невидимым в темноте стойкам. Мои руки были разведены в стороны, спина выпрямлена. Я сидела на коленях в море лепестков, слепая и беспомощная.

— В Бангкоке ты растворила свое эго в толпе, — голос Мастера звучал теперь так, словно он стоял прямо передо мной. — В Гонконге ты разрушила свою плоть болью. Но здесь, в Венеции, ты столкнешься с самым страшным испытанием. Ты столкнешься с ожиданием.

Я почувствовала, как он опустился на колени напротив меня. Его пальцы коснулись моего лица, обрисовывая контуры скул, губ, линии подбородка. Его прикосновение было прохладным, как мрамор, но под этой прохладой скрывалась такая концентрированная, древняя мощь, что у меня перехватило дыхание.

— Я не буду рвать тебя на части, — прошептал он, и его слова проникали в мой мозг, словно гипнотическая мантра. — Я буду медленно выпивать твой разум. Я заставлю твое тело забыть, как получать оргазм от физического трения. К рассвету ты будешь кончать от одной лишь моей мысли, вложенной в твою голову. Ты станешь моим астральным рабом.

Он наклонился вперед. Его губы почти коснулись моих, но не поцеловали. Я чувствовала его дыхание на своем влажном, полуоткрытом рту.

— Если ты выдержишь эту ночь, ты станешь равной богам. Если сломаешься — твой разум навсегда останется здесь, блуждать в лабиринтах Дворца Вздохов, пустой оболочкой, молящей о прикосновении, которого никогда не последует.

Его пальцы медленно потянули за край черного шелка, закрывающего мои глаза. Узел на затылке ослаб.

— Готова ли ты увидеть лицо своей истинной гибели? — прошептал Мастер Теней, и шелковая лента с шорохом упала на лепестки роз.

Я открыла глаза.

Тусклый свет свечей выхватил из мрака сцену, от которой моя кровь мгновенно превратилась в лед, а внизу живота вспыхнул такой неистовый, парализующий огонь, какого я не испытывала ни в одной из своих предыдущих жизней. Я смотрела на него, и понимала: всё, что было до этой секунды — Бангкок, триады, миллионеры на яхте — было лишь долгой, затянувшейся прелюдией. Настоящий кошмар, сотканный из чистого, первозданного соблазна, только что обнажил свое лицо. И я шагнула в него, затаив дыхание, готовая потерять себя навсегда.

Черный шелк скользнул по моим волосам и с легким шорохом упал на ковер из увядающих розовых лепестков. Я зажмурилась на секунду, ослепленная даже этим тусклым, дрожащим светом свечей, а когда открыла глаза, мое дыхание остановилось.

Передо мной стоял мужчина, чье лицо невозможно было стереть из памяти, увидев лишь единожды. В нем не было ничего от грубой животной силы Паоло, ничего от холодной деловой жестокости Сато или Лорана. Это было лицо падшего ангела, высеченное из бледного, почти прозрачного каррарского мрамора. Тонкие, аристократические черты, высокий лоб, резкая линия скул и губы — чувственные, но плотно сжатые, словно хранящие тайны инквизиции. Его волосы были черными как смоль, зачесанными назад, а глаза... Его глаза были цвета состаренного абсента, с вкраплениями

жидкого золота. В них читались столетия скуки, пресыщения и абсолютного, божественного всеведения. Он смотрел на меня не как на женщину. Он смотрел на меня как на сложный механизм, шифр к которому ему давно известен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.